

На правах рукописи

БУЛЬБЕНКО Елена Сергеевна

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ
«КОВАРСТВО» И «ХИТРОСТЬ»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

10.02.19 — теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Черничкина Елена Константиновна.

Официальные оппоненты: Ренц Татьяна Гавриловна, доктор филологических наук, профессор (Волжский гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», профессор кафедры лингвистики);

Барышникова Галина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент (Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации).

Ведущая организация — Воронежский государственный университет.

Защита состоится 21 ноября 2013 г. в 13.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 18 октября 2013 г.

Автореферат разослан 18 октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в рамках лингвокультурологии, эмотивной лингвистики и концептологии, представляющих собой важнейшие дисциплинарные области современной лингвистики.

Актуальность темы настоящей работы обусловлена следующим:

1) возрастающей значимостью проблемы эмоционального фактора в рассмотрении лингвистических феноменов; 2) отсутствием комплексного лингвоконцептологического сопоставительного описания объективации концептов «коварство» и «хитрость» в языковом сознании и в коммуникативном поведении в русской, английской и немецкой лингвокультурах.

Объектом выполненного исследования служат лингвокультурные эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость», определяющие которых находит свое воплощение в эмоционально-маркированном коммуникативном поведении языковых личностей.

В качестве **предмета** диссертации рассматриваются общие и специфические лингвокультурные и ментальные характеристики концептов «коварство» и «хитрость», объективируемые в языковом сознании и в коммуникативных ситуациях на русском, английском и немецком языках.

Гипотеза работы: 1) концепты «хитрость» и «коварство», несмотря на различные способы вербализации в русском, английском и немецком языках, имеют определенную семантическую структуру, совпадающую в базовых ментальных характеристиках в языковой картине мира исследуемых лингвокультур; 2) объективация концептов «хитрость» и «коварство» в коммуникативном поведении языковых личностей происходит в рамках категориально-эмоциональных ситуаций, реконструкция которых в переводной трансляции приводит к определенным трансформациям образной составляющей данных концептов.

Цель работы заключается в выявлении и описании общих и специфических особенностей объективации эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость», распределяющихся в языковом сознании и в категориальных эмоциональных ситуациях в художественной коммуникации.

Эта цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1) обосновать выделение концептов «коварство» и «хитрость» как особых типов эмоциональных концептов;

2) выявить общие и специфические понятийные, образные и ценностные характеристики концептов «коварство» и «хитрость», отражающие лингвокультурные особенности их объективации в языковом сознании в русском, английском и немецком языках;

3) определить критерии выделения типов категориально-эмоциональных ситуаций, объективирующих исследуемые концепты в процессе коммуникации;

4) рассмотреть варианты адаптации культурных смыслов концептов «коварство» и «хитрость» при переводной реконструкции объективирующих их категориально-эмоциональных ситуаций.

Материалом исследования служат данные из русских, английских, немецких толковых, синонимических, этимологических, фразеологических, паремиологических словарей, результаты опроса. В качестве базового материала исследования использовался классический роман, а именно «Коварство и любовь» Ф. Шиллера и «Отелло» У. Шекспира (оригинальный и переводной варианты). Дополнительным материалом исследования являлись художественные произведения Б. Акунина, А. Кристи, а также фольклорные тексты (русские народные сказки). Общий объем анализируемого материала составил 4636 с., включающих 1137 текстовых фрагментов, 476 фразеологических единиц (ФЕ), 500 пословиц и поговорок на английском, немецком и русском языках.

Достоверность и объективность результатов выполненной работы обеспечиваются значительным количеством проанализированных языковых примеров, объективирующих изучаемые концепты, а также комплексом используемых методов исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что предложен комплексный подход к рассмотрению эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость», зафиксированных в языковом сознании и распределенных в коммуникативном поведении языковых личностей на материале трех лингвокультур; определены критерии и типы категориальных эмоциональных ситуаций, в которых реализуются основные характеристики изучаемых концептов; описаны варианты адаптации культурных смыслов данных концептов при переводной реконструкции объективирующих их категориально-эмоциональных ситуаций проявления хитрости и коварства в художественной коммуникации.

Личным вкладом автора являются: 1) комплексный анализ базовых составляющих исследуемых концептов, репрезентируемых в русской, английской и немецкой лингвокультурах; 2) выделение и обоснование критерии типизации категориально-эмоциональных ситуаций, фиксирующих проявления хитрости и коварства; 3) описание путей адаптации культурных смыслов концептов при переводной реконструкции ситуаций, объективирующих их.

Теоретическая значимость представленной работы заключается в развитии основных постулатов лингвокультурологии, концептологии и эмотивной лингвистики, а также в разработке комплексного подхода к анализу объективации концептов «хитрость» и «коварство» в языковом сознании и художественной коммуникации, что может быть использовано в отношении других лингвокультурных эмоциональных концептов.

Практическую ценность исследования мы видим в возможности применения полученных результатов при чтении лекционных курсов языкоznания, а также элективных курсов, в частности, по лингвокультурологии, концептологии, эмотивной лингвистике, переводоведению, лексикографии.

Теоретико-методологической базой для данной работы служат следующие научные положения, доказанные в работах ведущих ученых в области лингвокультурологии (А. Вежбицкая, В.В. Красных, О.А. Леонтович, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин), концептологии (Е.В. Бабаева, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Д.С. Лихачев, М.В. Пименова, Г.Г. Слышик), эмотиологии (И.В. Арнольд, С.В. Ионова, Е.Ю. Мягкова, Ю.А. Сорокин, В.И. Шаховский).

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих **методов анализа**:

— *дефиниционный анализ*, который позволяет определить семантическое поле единиц, объективирующих эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость»;

— *этимологический анализ*, уточняющий семантику слов, являющихся репрезентантами изучаемых концептов в динамике;

— *опрос* в форме анкетирования, а также *интерпретативный анализ* ответов респондентов, что позволяет провести анализ осмыслиения концептов «коварство» и «хитрость» в наивном языковом сознании представителей трех лингвокультур;

— *сопоставительный анализ*, используемый для определения сходств и различий в языковой репрезентации данных концептов в английской, русской и немецкой лингвокультурах;

— *метод концептуального анализа*, направленный на выявление признаков, формирующих структуру концепта, их классификации и интерпретации;

— *метод сплошной выборки* единиц исследования из лексикографических источников и произведений русской, английской и немецкой художественной литературы;

— *контекстологический анализ*, предполагающий выявление специфики объективации данных эмоциональных концептов в художественной коммуникации;

— *метод стилистического анализа*, используемый для изучения лексических единиц в рамках художественного произведения и определения их роли;

— *компонентный анализ*, позволяющий определить дифференциальные семантические признаки;

— *количественный прием*, применяемый на всех этапах исследования при подсчете концептуальных признаков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. «Коварство» и «хитрость» представляют собой лингвокультурные концепты, общие для языкового сознания и культуры исследуемых лингвистосов, входят в состав суперконцепта «человек» и имеют характеристики макроконцепта «обман». Данные концепты отражают динамику поведения человека: бесхитростность — хитрость — хитрость / коварство — коварство / злодейство, что провоцируется и сопровождается эмоциональными переживаниями субъекта и/или объекта хитрого/коварного поведения. Имплицитность эмоционального компонента в структуре данных концептов позволяет отнести их к особой группе эмоциональных концептов — эмоциогенные концепты, получающие эмотивную наполненность в определенном коммуникативном контексте.

2. Общими признаками концепта «коварство» для трех лингвокультур являются «злонамеренность» и «недоброжелательность, связанная с обманом», которые маркируют аксиологически негативное поведение; концепт «хитрость» характеризуется такими общими признаками для рассматриваемых языков, как «изворотливость» и «лукавство». Во всех лингвокультурах при объективации концепта «хитрость» доминирующим является образ «лиса». Различными признаками в сопоставляемых языках считаются значения «искусность», «замысловатость», «мудреность», характерные в большей степени для репрезентации хитрых практик в русском языке с актуализацией позитивно аксиологического потенциала. Для английской и немецкой лингвокультур характерно преобладание разветвленной синонимической сети взаимозаменяемых вариантов вербализации данных концептов в языковом сознании.

3. Коммуникативным пространством объективации эмоциональных концептов является категориальная эмоциональная ситуация (КЭС). Критериями типизации КЭС проявления коварства и хитрости выступают: 1) средства объективации коварства/хитрости; 2) характер проявления коварства/хитрости; 3) степень эмоциональной интенсивности коварного/хитрого поведения; 4) градуальность признаков; 5) логика/динамика проявления коварства/хитрости; 6) доминантная эмоция (со стороны субъекта — *гнев, обида, бешенство, раздражение, отвращение, ненависть, ярость, негодование*; и со стороны объекта — *страх, ужас, безмерное удивление, беспокойство, раздражение, отвращение, ненависть, отчаяние*).

4. При переводной реконструкции КЭС на основе художественной коммуникации имеет место адаптация культурных смыслов объективируемых концептов. Лингвокультурные трансформации, затрагивающие в основном образную составляющую данных концептов, связаны с усиЛЕ-

НИЕМ/смягчением коннотативной интенсивности и с усилением/ослаблением или потерей коннотативной образности.

Апробация работы. Результаты исследования получили апробацию на научных конференциях профессорско-преподавательского состава ВГСПУ (Волгоград, 2009 г., Волгоград, 2011 г.); ежегодной Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2009, 2010 гг., 8 февр. 2012 г.); ежегодной научной конференции «Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и коммуникативной деятельности» (Волгоград, 2009, 2010 гг.); II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2009 г.); региональной межвузовской научно-практической конференции «Проблемы современной коммуникации и языкового образования» (Волгоград, 2009 г.); на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2009—2013 гг.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 13 работ, из них 3 статьи — в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, общим объемом 4,6 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна; формулируются объект и предмет изучения, его цели и задачи; характеризуются методы и материал исследования; выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Дефиниционные характеристики концептов “коварство” и “хитрость”» уточняются методологические основы теоретического рассмотрения лингвокультурных концептов «хитрость» и «коварство», описываются их ментальные характеристики через анализ структурных составляющих данных концептов, объективированных в языковом сознании русского, английского и немецкого этноса.

Изучение концептов «хитрость» и «коварство» и средств их объективации на фоне определенной лингвокультуры, в частности русской, английской, немецкой, предполагает приоритетность лингвокультурного подхода в проведении диссертационного исследования. Концепты «хитрость»,

и «коварство» находят свое выражение в коммуникативном поведении представителей данного этноса, что позволяет отнести их к общим лингвокультурным концептам, входящим в суперконцепт «человек». В то же время анализируемые концепты являются неотъемлемыми компонентами концептуального пространства «обман», поскольку также предполагают действия вербального или невербального характера, направленные на определенную манипуляцию партнером.

Предполагаемая при распредмечивании концепта «переживаемость» информации, заключенной в нем, позволяет говорить о присутствии эмоционального компонента в структуре каждого концепта с определенной долей его экспликации. Эмоциональная составляющая может быть явно выраженной, номинируя одно из эмоциональных состояний (например, концепты *страх, радость*), или эксплицироваться при объективации в речи в зависимости от контекста дискурса или коммуникативного опыта говорящего, когда концепт и соответствующие языковые средства его вербализации получают определенную эмотивную наполненность (*родные стены, милый дом*). Эмоциональная составляющая может идентифицироваться в каждой из составляющих концепта или только в одной из них, что зависит от концептуализируемого объекта, места данного концепта в языковой картине мира, а также от коммуникативной ситуации его объективации.

Концепты с явной доминантностью эмоциональной составляющей, когда эмоция составляет основу концепта, можно отнести к эмоциональным концептам, в то время как концепты с «завуалированной», глубинной эмоциональностью предлагаем считать эмоциональными концептами особого рода, или **эмоциогенными** концептами, эмоциональность которых раскрывается через коммуникативные категориальные ситуации, их объективирующие.

Под эмоциональным концептом в данной работе понимается этнокультурно обусловленное ментальное образование, отражающее эмоциональную оценку человеком действительности, заключенную в качестве доминанты в одной или каждой из составляющих концепта: понятийной, образной, ценностной, распредмечивание которой происходит в зависимости от конкретной эмоциональной ситуации общения. Критериями отнесенности концептов к данной группе являются: эмоциональная оценка действительности (факта, явления, события, человека); образ действительности, стимулирующий определенные эмоциональные проявления; эмоциональное восприятие ценности или антиценности культуры. Концепты «коварство» и «хитрость» являются эмоциональными и принадлежат к группе эмоциогенных концептов, поскольку за проявлениями коварства и хитрости в коммуникативном поведении человека скрывается целый комплекс

сопутствующих эмоций, основными из которых являются эмоции *гнева, вражды, злости, мщения*. Эмоциональные состояния адресанта (эмоции *обиды, ревности, зависти, любви, злобы, недовольства* и др.) мотивируют и определяют его коварное или хитрое поведение и провоцируют у адресата соответствующий эмоциональный «выплеск» (эмоции *удивления, беспокойства, отчаяния, неуверенности, нервозности* и др.).

Изучаемые концепты характеризуются градуальностью переживаемого эмоционального состояния и входят в следующую концептуальную сеть: а) бесхитростность — б) хитрость — в) хитрость-коварство (как полограничное явление) — г) коварство-злодейство. Полярными концептами при этом являются «бесхитростность», т.е. «простота, наивность» и «злодейство» как высшая точка проявления коварства.

Анализ **понятийной составляющей** эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» проходил через проведение дефиниционного лексикографического анализа и этимологического анализа имен концептов в рассматриваемых языках.

Изучение словарных статей, описывающих эмоциональный концепт «хитрость» в русском языке, позволило сделать следующие выводы:

1) концепт «хитрость» представлен различными частями речи (именем существительным *хитрец, хитрюга, хитреца, хитринка*; именем прилагательным *хитрый, хитростный*; глаголом *хитрить*; наречием *хитро*);

2) отмечается наличие однокоренных слов, что особенно заметно в сравнении с репрезентантами концепта «коварство»: *хитросплетение, хитросплетенный, хитроумие, хитроумный*.

Примечательно, что эмоциональный концепт «коварство» объективирован только именами существительными *коварство, коварность*; именем прилагательным *коварный* и наречием *коварно*. Производных слов в данном случае не выявлено.

Установлено, что ядро лексемы «коварный» — злобный, злой, злорадный, где обман как злостный умысел. Ядро лексемы «хитрый» — мудрый, изобретательный, замысловатый, идущий обманными путями — обман как проявление изобретательности, не всегда во благо адресата. На английский язык русские слова *коварство* и *хитрость* могут быть переведены синонимичными словами *insidiousness, craftiness, slyness, cunning*, которые чаще всего выступают в качестве взаимозаменяемых. При этом *-sly* значит *clever, deceive, secretly done*, т.е. *clever in deceiving*. *Cunning* значит *clever, trickery, skilful*, т.е. *clever in deceiving*. Общими семами сопоставляемых английских слов являются «*clever, deceiving*», что позволяет связать их с концептами «обман» и «ум».

На немецкий язык лексемы *коварство* и *хитрость* могут быть переведены одним словом *die List* (коварство, хитрость). Однако существуют и отдельные слова для номинации *коварства*: *die Arglist* — коварство (*arg* — дурной, злой, зло, слишком), *die Heimtücke* (коварство, ве-роломство) и *die Kabale* (коварство). При этом *die Kabale* также имеет значение *коzни, интриги* (*die Kabalen*); и отдельные номинации *хитрости* — *die Schläue* (хитрость, лукавство); *die Tücke, die Hinterlist* (хитрость); *die Verschlagenheit* (хитрость). Как показывает анализируемый материал, для концепта «хитрость» в немецком языке существует большее количество способов объективации, чем у концепта «коварство». При этом отметим, что слово *der Betrug*, которое в немецком языке значит *обман* (также и *betrügerisch* — обманчивый, лживый), может быть переведено и как *мошенничество*, которое, в свою очередь, является составляющей *хитрости*, что еще раз подтверждает взаимосвязь концептов «обман», «хитрость», «коварство». Эмоциональный компонент обязательно присутствует в понятийной составляющей концептов «коварство» и «хитрость» каждого из рассматриваемых языков, имплицитно сопровождая номинируемые действия.

Проведение этимологического анализа также подтвердило родство эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» с концептами «обман», «ложь», «ум». В русской лингвокультуре для репрезентации хитрых практик в большей степени актуализируются значения *искусность, замысловатость, мудреность*. В английской и немецкой лингвокультурах выявлено преобладание разветвленной синонимической сети взаимозаменяемых вариантов вербализации концептов «коварство» и «хитрость». В немецком языке концепт «коварство» имеет больше оттенков по сравнению с русским аналогом, при этом концепт «хитрость» выступает в качестве одной из основных характеристик «коварства».

Для выявления **ценностной составляющей** исследуемых концептов были проанализированы ассоциации, возникающие в сознании носителей русской, английской и немецкой лингвокультур при предъявлении ключевых слов «коварный» и «хитрый», что позволяет представить место данных концептов в аксиологической картине мира. Основным инструментарием послужили предварительно подготовленные опросные листы (на русском, немецком и английском языках). В эксперименте принимали участие 110 человек. В качестве заданий испытуемым было предложено: а) для оживления фоновых знаний написать первую пришедшую словесную реакцию на вопрос «Как Вы понимаете значение слова “коварный”/“хитрый”?»; б) закончить предложение «Он хитрый, а не коварный, потому что...» и «Он коварный, а не хитрый, потому что...». Сходные реакции интерпретировались как один когнитивный признак.

По результатам опроса русских информантов установлено, что лексема «коварный» имеет следующие оценки респондентов: *злой и бесчувственный* (98%); *(более) жестокий и несправедливый* (92,4%); *способен на предательство* (69,3%); *готов отомстить за любую обиду, либо за обиду родного человека или друга* (63,8%); *подлый* (51,7%); *плохой человек* (50,6%); *опасный* (41,8%); *редиска* (30,8%); *эгоистичный* (25,3%); *наглый* (22%) и др. Концепт «хитрость» можно охарактеризовать следующими ключевыми единицами: *продуманный* (97,9%); *умный* (93,5%); *скрывающий свои поступки* (88%); *обманывает людей ради своей цели* (74,8%); *изворотливый* (71,5%); *ищет себе выгоду* (58,3%); *лиса* (58,3%); *мало причиняет зла, вреда окружающим, не предает других* (50,6%); *льстивый* (49,5%); *умеет манипулировать людьми* (38,5%); *скользкий (тип)* (29,7%) и др. Для сравнения полученных результатов был проведен опрос контрольной группы, в которую входили американцы (10 человек) и немцы (10 человек). При анализе ответа респондентов явными становятся выделение признаков злого умысла, жестокости в отношении концепта «коварство» и корыстной продуманности, а также проявления ума в отношении концепта «хитрость». Наличие эмоционального компонента в ценностной составляющей концепта «коварство» всегда характеризуется негативно, представляя собой антиценность, а концепт «хитрый» может восприниматься со знаком плюс, как некая ценность (*продуманный, умный*).

Описание **образной составляющей** исследуемых концептов проходило на основе анализа языковых средств паремиологического фонда (русского, английского и немецкого языков), репрезентирующих изучаемые концепты. В результате проведенной выборки фразеологических единиц, пословиц и поговорок из словарей русского, английского, немецкого языков можно говорить о том, что в русском, английском и немецком народном сознании концепты «коварство» и «хитрость» декодируются при помощи большого количества ФЕ, пословиц и поговорок, что подчеркивает значимость и универсальность эмоционально-оценочных характеристик хитрого/ коварного коммуникативного поведения языковой личности. Приведем примеры некоторых фразеологических единиц, объективирующих хитрость и коварство в анализируемых языках. Так, например, на английском языке концепт «хитрость» представлен следующими фразеологическими единицами:

— *artful Dodger / воришка, карманник* (ловкий плут, хитрый мошенник);

— *Barmecide feast / «Бармецидов тир», пыль в глаза, кормить обещаниями* (видимость угощения, щедрости, радущия; притворное гостеприимство);

— draw a red herring across the path / отвлекать внимание (намеренно вводить в заблуждение);

— play the fox / прикидываться (хитрить, притворяться).

Концепт «коварство», в свою очередь, презентуется следующими ФЕ:

— cast aspersions on somebody / оболгать, оклеветать;

— do dirt to somebody / подложить свинью (подло, низко, непорядочно поступить в отношении кого-либо) и др.

В немецком языке ФЕ, объективирующие концепт «хитрость», включают:

— Finten machen / хитрить, финтить, увертываться;

— ein alter (schlauer) Fuchs / старая (хитрая) лиса;

— glatt wie ein Aal / скользкий как угорь (хитрый, изворотливый) и др.

Концепт «коварство» представлен следующими ФЕ на немецком языке:

— j-m ein Bad anrichten (rüsten) / в тайне, с умыслом подвергнуть кого-либо опасности;

— j-n zur Bank hauen / публично изничтожить кого-либо; стереть в порошок;

— auf Abbruch heiraten / выходить замуж (женииться) в расчете на скорую смерть богатого супруга (богатой супруги) и др.

Приведем примеры пословиц и поговорок, распределяющих признаки концептов «коварство» и «хитрость» в русском языке: *премудрость одна, а хитростей много; что живо, то и хитро; голь на выдумки хитра; где хитро, там ни одного; на иную хитрость станет и простоты; кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком; кормит калачом, да в спину кирпичом; лицом хороши, да душою неприложи и др.*

В русском языке концепт «хитрость» представлен следующими образами животного, содержащимися в ФЕ, например, *ехать зайцем* или *хитрая лиса*. Образ человека прослеживается в следующих ФЕ: *нечестный игрок, запудрить мозги, выезжать на чужой спине, прилипать к рукам, на руку нечист, нагреть руки, за спиной, заговаривать зубы, пускать пыль в глаза, водить за нос, морочить голову, оставить с носом, замазать глаза*.

В английском языке образ животного может быть выявлен через такие ФЕ, как, например, *fox (лиса), run with the hare and bound with the hounds, start a hare, play horse, a time spaniel, a cock and bull story, monkey business*, а образ «человека» передают *artful Dodger, Billy Bunter, show a false face, stick to one's fingers, pull (draw) somebody's leg, make a poor mouth, behind somebody's back, give somebody a finger*.

Концепт «коварство» в русском языке может быть передан образами животного в следующих ФЕ: *подложить свинью, волк в овечьей шкуре*. А такие ФЕ, как *грязный тип, дрянной, подлый человек, удар в спину*, могут транслировать коварный образ человека. В английской фразеологии символ *грача* передает такие качества, как *коварство и хитрость*, соответственно, данный символ является общим для исследуемых нами концептов и входит в образную составляющую концептов «коварство» и «хитрость». А образы *змеи, лисы и ужа* являются едиными для концептов «коварство» и «хитрость» в русском языке.

Во всех языках концепт «хитрость» может передаваться ФЕ, пословицами и поговорками, в состав которых входят такие слова, как *глаза и лиса*. Больше всего совпадений выявлено в образности английского и русского концепта: «коварство» — *нос, спина*; «хитрость» — *рука, спина, голова, нос, заяц, собака*.

Доминирующим во всех языках является образ *лисы*. Поведение данного представителя фауны проявляется в повадках, характеризующихся «умом», «продуманностью» с целью обмануть свою жертву и получить выгоду для себя. Доказательством этому является не только большое количество ФЕ, пословиц и поговорок, но и определенное наличие текстового фольклорного материала (сказки), особенно в русском языке. Отмечается преобладание во фразеологическом фонде ФЕ «хитрость/ хитрый, хитрец» («хитрость» составляет 80,5%, «коварство» — 19,5%), что подтверждает наше предположение о частотности варианта хитрого коммуникативного поведения человека как отрицательного, так и положительного характера.

Проведенное исследование структурных составляющих анализируемых концептов позволило охарактеризовать способы их объективации на уровне языка и подтвердило нашу гипотезу о том, что выбранные нами концепты обладают определенной семантической структурой, которая совпадает в базовых ментальных характеристиках в трех лингвокультурах.

Вторая глава «Категоризация концептов “коварство” и “хитрость” в художественной коммуникации» посвящена рассмотрению способов объективации данных концептов непосредственно в художественной коммуникации на основе анализа релевантных коммуникативных ситуаций, где имеют место проявления хитрости и коварства в коммуникативном поведении речевых партнеров.

В качестве материала исследования нами выбран классический роман, сюжетная интрига которого и предполагает хитрость и коварство со стороны одного из героев, что задает эмоциональный тон всему произведению. Сравнительный анализ категориальных ситуаций экспликации коварства в оригинальной и переводной версии классических романов «Отелло» и

«Коварство и любовь» заставил обратить внимание на адаптацию культурных смыслов при распредмечивании исследуемых концептов с учетом их национальной лингвокультурной специфики.

Выбор коммуникативной ситуации в качестве основной единицы категоризации основывается на главном постулате коммуникативной лингвистики — **ситуативность коммуникативного поведения** (В.И. Караписик, Г.Г. Слыскин, 2007). Конкретные, повторяющиеся ситуации, объединенные общими конститтивными признаками и общей коммуникативной интенцией, закрепляются в памяти людей, категоризуя при этом соответствующий концепт. Учитывая доминантность определенной эмоции в коммуникативном поведении человека в конкретной коммуникативной ситуации, абстрагируясь, можно говорить о категоризации соответствующего данному эмоциональному состоянию концепта. Распредмечивание понятийной, ценностной и образной составляющих конкретного концепта происходит в процессе конструирования ситуации общения, что позволяет считать категориальную эмоциональную ситуацию коммуникативным пространством объективации исследуемых эмоциональных концептов.

Уточнение специфики категориальных эмоциональных ситуаций проявления хитрости и коварства происходило с учетом их тематического формата, а также семантического и структурного наполнения. Ситуации проявления хитрости и коварства, оставляющие «эмоциональный след» в памяти человека, аккумулирующие опыт эмоциональных переживаний особого рода, имеют определенные тематические ассоциации. Как показал материал исследования, наиболее частотными (плотными) категориями относительно изучаемых концептов хитрости и коварства являются категории *мести, ревности, соперничества*. Существуют определенные фреймы, такие как, например, «бизнес», «спорт», «любовь», где изначально предполагается присутствие категориальных ситуаций мести, ревности, соперничества с различной эмоциональной доминантой (*злость, ненависть, негодование, зависть и др.*), основными маркерами которых являются *обман и интрига* как проявление хитрости и коварства. Так, несмотря на то, что фрейм «любовь» предполагает экспликацию самых лучших качеств человека, возыщенных переживаний и чувств, стратегии хитрого, а иногда и коварного поведения могут прослеживаться при анализе действий коммуникативных партнеров как стремление завоевать свой предмет любви, устранить соперника, представить себя в лучшем виде и т.д.

Модель анализа КЭС проявления коварства/хитрости предполагает рассмотрение следующих компонентов: субъект хитрого или коварного поведения; объект, на кого направлено проявление хитрости или коварства; мотив хитрого/коварного поведения; цель и коммуникативная стратегия ее

реализации; верbalное/невербальное оформление; результативность хитрой или коварной практики. Выделенные компоненты приобретают определенные характеристики, адекватные категориальным признакам анализируемых концептов. Рассмотрим ситуацию, в которой проявляются особенности признаков эмоционального концепта «коварство» на основе произведения Ф. Шиллера «Коварство и любовь» в переводе Н. Любимова:

Президент в ярости мечется по комнате: Отца в смирительный дом! Мать и распутную dochь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца? ... Ну, нет, окаянное отродье! Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку — отца, мать, dochь — я принесу в жертву лютой моей мести! В данной ситуации прослеживается зарождение коварного замысла Президента по отношению к возлюбленной его сына и ее семье, что отражает эмоциональное состояние героя (ярость), провоцирующее готовность Президента жестоко расправиться с семьей девушки.

Субъектом проявления коварства представляется Президент, объектом — члены семьи Луизы. Мотивом выражения коварных чувств субъекта в данной ситуации явилось *негодование* по отношению к семье за то, что они не препятствовали союзу своей дочери Луизе и Фердинанду: *Правосудие найдет выход моему негодованию*. Отсюда такое бурное эмоциональное реагирование на сложившуюся ситуацию: **злость, ярость, мстительность** как доминантные эмоции. Цель выражается в намерении Президента отомстить семье Луизы: *За такое поношение я должен жестоко отомстить*. Языковые средства, презентируемые на уровне лексики, которые прямо или косвенно выражают эмоции коварства, достаточно разнообразны, например, инвективы *мразь, окаянное отродье, вся ваша семейка*. Используется прямая номинация эмоционального состояния героя: *негодование*. Метафорическое описание коммуникативных интенций *утолить злобу гибелью, принести в жертву лютой мести* помогает понять глубину и доминантность эмоции **гнева** как движущей силы разработки коварных планов Президента. К неверbalным коммуникативным средствам можно отнести кинетический компонент коммуникации: *Президент в ярости мечется по комнате*. Результативность анализируемой КЭС — сформировавшаяся готовность Президента жестоко расправиться с семьей Луизы: *...всю вашу семейку — отца, мать, dochь — я принесу в жертву лютой моей мести!*

Таким образом, в представленной КЭС планирование коварного плана у субъекта сопровождается спектром эмоций (ярость, негодование, мсти-

тельность, злость, недовольство, возмущение, ненависть), мотивирующих планируемые коварные действия.

Следующая ситуация из этого же художественного произведения объективирует концепт «хитрость»:

Вурм (радостно): В таком случае сделайте одолжение, выслушайте меня... Господина майора мы возьмем хитростью. Против девушки мы употребим все ваше могущество. Мы продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подсунуть майору. Президент: Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

Вурм: Должна будет подписать, если только вы предоставите мне полную свободу действий. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот на одной из них мы и сыграем.

Объектом хитрого поведения Вурма является Луиза, субъектом в данном случае выступает Вурм. Мотив представлен желанием Вурма услужить Президенту, что реализуется в его коммуникативной стратегической цели: Вурм придумал план (как провести Луизу и майора). Вербальными языковыми средствами, распределяющими эмоциональный концепт «хитрость», являются следующие лексические единицы: прямая номинация концепта — *ухитриться подсунуть что-либо, взять хитростью*; использование слов с уменьшительным суффиксом в качестве маркера хитроумного замысла — *продиктовать записочку к третьему лицу; слабые струнки*. Метафора *сыграть на слабой струнке* в приведенной КЭС выступает как мощное изобразительное средство, в котором «упаковано» значение *найти слабое, уязвимое место и воспользоваться им в своих целях*. Результативностью является разработка хитрого плана в отношении объекта и выдвижение условия Президенту — *предоставить полную свободу действий, употребить все могущество*. Такая разработка хитрой идеи со стороны субъекта вызывает у коммуникативного партнера КЭС (Президента) такие эмоции, как **недоверие, сомнение**, тогда как у субъекта проявляются **радость, волнение, предвкушение удачной реализации хитрого плана**.

Анализ выделенных нами ситуаций по предлагаемому алгоритму позволяет характеризовать КЭС проявления хитрости и коварства как особого рода эмоционально-заряженную ситуацию общения (*нацеленную на обман, введение в заблуждение, проявление лукавства, злодейства*) с характерной эмоциональной доминантой (*негодование, ненависть, злость, возмущение, предвкушение радости от своего плана*), интенциально обусловленную (*ревностью, любовью, соперничеством, завистью, местью*), которая определяет манипулятивное коммуникативное поведение партнеров и представляет собой абстрактный инвариант категориза-

ции концепта «хитрость/коварство», фиксирующего данное эмоциональное состояние и его проявления.

Рассмотрение корпуса собранных примеров продемонстрировало неоднородность категориально-эмоциональных ситуаций, их вариативную представленность в художественной коммуникации, что определило следующую задачу нашего диссертационного исследования — описать возможные критерии типизации подобных ситуаций.

Типизация категориально-эмоциональных ситуаций проявления хитрости и коварства может основываться на различных критериях: 1) средства объективации коварства/хитрости: вербальные/невербальные КЭС; 2) характер проявления коварства/хитрости: имплицитность/эксплицитность проявления указанных практик в коммуникативном поведении героев; 3) степень эмоциональной интенсивности коварного/хитрого поведения: низкая, средняя и высокая степень эмоционального накала ситуации; 4) градуальность представленности концептуальных признаков (от бесхитростности до злодейства); 5) логика/динамика проявления коварства/хитрости: зарождение замысла, реализация, результативность; 6) доминантная эмоция, лежащая в основе КЭС. Также возможными критериями типизации анализируемых КЭС могут быть фреймовая принадлежность; коммуникативная интенция, доминантная стратегия хитрого/коварского поведения и т.п.

Одним из основных критериев для отнесения КЭС проявления хитрости и коварства к конкретному типу ситуации представляется логика развития / динамика проявления коварства/хитрости. Согласно данному критерию, выделены и описаны ситуации зарождения коварного/хитрого замысла, реализации коварного/хитрого замысла, результативность (реакция на результативность со стороны субъекта или объекта коварного/хитрого поведения). При этом отметим, что возможным является и сохранение данного маршрута в формате одной ситуации, где спонтанность зарождения коварной идеи, ее исполнение и коммуникативная реакция, рефлексия происходят достаточно стремительно. Приведем пример первого типа КЭС — зарождение хитрого/коварного замысла, в котором представлено планирование коварства со стороны субъекта ситуации:

От ello: Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях! Прижимался. Это мерзость. Платок. Заставить сознаться. Платок. Заставить сознаться и повесить. Нет, сначала повесить, а потом заставить сознаться. Я весь дрожжу. Не поддаваться этой помрачающей боли без проверенных сведений! Боже, как я подумаю... Носы, уши, губы. Тьфу! Я падаю. Заставить сознаться. О, дьявол! (Падает без чувств.)

В данной ситуации Отелло продумывает план мщения и наказания Дездемоны, испытывая целый спектр эмоций от ненависти, отвращения (*мерзость*) до любви (поскольку образ Дездемоны доминантен в его сознании) и необузданной, физически ощущаемой ревности (*Я весь дрожжу*).

Использование метода количественного подсчета выявило преобладание КЭС коварства (66%) над КЭС хитрости в собранном материале, что имеет логическое объяснение: во-первых, это связано с интригой сюжетной линии классического романа, которая должна быть достаточно полярна (*бесхитростность vs коварство*); во-вторых, является результатом тенденции эволюционирования *хитрости в коварство*. Количественные данные подтверждают также наше предположение о том, что в художественной коммуникации больший акцент писателем сделан не столько на описании коварного действия (19,5% ситуации реализации замысла), сколько на его подготовке (39% ситуаций зарождения замысла) и рефлексии (41,5% ситуации результативности). Преобладание невербальных средств экспликации коварного/хитрого поведения (57% ситуаций невербального проявления хитрости и коварства) также доказывает приоритет поступков над словами.

Классические произведения «Отелло» (в переводе Б. Пастернака) и «Коварство и любовь» (в переводе Н. Любимова) представляют собой эмотивные тексты, оказывающие воздействие на эмоционально-оценочную сферу языкового сознания реципиента, что становится возможным благодаря использованию эмотивной лексики, фразеологических единиц, разнообразных стилистических приемов, актуализирующих эмоциональную оценочность концептов «коварство» и «хитрость». Трансляция и категоризация базовых концептуальных признаков в категориально-эмоциональных ситуациях проявления хитрости и коварства на материале этих произведений осуществляется через:

а) номинацию субъекта («Коварство и любовь» — злодей; подручный у палача; притворица; (такое) невинное существо; личина ангела; мошенник; подлец; подонок; хитрый лицемер; изверг; змея; сатана; ядовитая гадина; исчадие ада и др.; «Отелло» — убийца низкий; подлец; какой-то плут; баснословный негодяй; вымогатель; злодей; ехидна; изверг; исчадье сатаны; страшный лжеец; изувер и др.);

б) номинацию объекта («Коварство и любовь» — жертва скоростного решения, заживо погребенный; мишень для острот и др.; «Отелло» — игрушка подлеца; рукodelница; ее пеньем можно приручить лесного медведя; женщина неистощимого ума и воображенья и др.);

в) описание внешности и внутреннего мира человека («Коварство и любовь» — чернильная душа; глазки вороватые, мышиные; волосы огненно-рыжие; она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд; обла-

дать уменьем повторствовать прихотям герцога; иметь поразительные способности к плутовству; этот выдохшийся лимонад — точь-в-точь как твоя душа и др.; «Отелло» — коварна, как вода; вращая в бешенстве глазами; поганая душонка гниет в века по полкрупинки в день; прирожденный соблазнитель и др.);

г) описание средств реализации коварных/хитрых замыслов («Коварство и любовь» — крайняя, отчаянная мера; козни ада; пытка; ядовитые стрелы; нож в сердце; дьявольское средство и др.; «Отелло» — заклятия; тайные чары; тактическая хитрость; ухищренья; наговоры, дурман; чернокнижье; колдовство; ночной разбой; малеванное, грубое притворство и др.);

д) дескрипцию признаков коварного/хитрого поведения («Коварство и любовь» — притворяться, что дурно; толкать кого-либо с бешеною злобой; с новой яростью; подделывать подписи; бросить яд в стакан с лимонадом и др.; «Отелло» — сманить силой, увести заклятьем; поить отправой и волю сонной одурью сковать; клеветать; подглядеть тайком; быть готовым на все, чтобы насолить и т.д.);

е) сюжетные повороты, связанные с планированием, обсуждением интенций и стратегий коварного поведения.

Образные характеристики исследуемых концептов, представленные через ФЕ и содержащиеся в КЭС, несут дополнительную смысловую нагрузку, дополняя и уточняя понятийные и ценностные характеристики. Более того, образная составляющая позволяет идентифицировать личные качества героев, ситуативные признаки, поступки, взаимоотношения героев.

Оттенки эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость», выраженные с помощью языковых средств и представленные в КЭС коварства и хитрости, могут варьироваться в разных лингвокультурах, что является потенциальным препятствием для адекватной интерпретации, а следовательно, и понимания культурных смыслов, объективируемых в процессе коммуникации концептов. Поскольку языковая картина мира является национально маркированной, то при переводной реконструкции возможным представляется усиление или потеря каких-то оттенков значения концептов. При этом особую сложность может представлять метафоричность, об разность передачи основного смысла распределенного концепта.

Так, имена и образы персонажей, используемые Ф. Шиллером намеренно, являются прямыми номинациями отрицательных характеристик героев, что помогает читателю идентифицировать их сюжетную роль, сразу понять их внутренний мир, наполненный *подлостью, коварством, обманом, интригами, хитростью, шантажом и пр.* Однако вскрыть все эти глубинные характеристики возможно лишь в случае знания дословных значений номинаций, метафоричность которых зачастую теряется в

русском переводе. Так, имя Вурма аллегорично только в немецком оригинале, “Wurm” переводится как «червяк», «змея». Гоффмаршал Кальб («теленок») — придворный бездельник, интриган, пустомеля, сплетник и трус и т.п.

Сравнение категориально-эмоциональных ситуаций проявления хитрости и коварства в оригинальном художественном произведении и его переводном варианте позволяет увидеть определенные расхождения в распредмечивании данных концептов, которые, однако, не затрагивают их ядерных признаков, а касаются образности используемых языковых средств трансляции основного смысла.

Нюансирование образной составляющей при переводной трансляции обусловлено лакунарностью в принимающей лингвокультуре адекватных образных средств, симметрично транслирующих эмоционально-образные характеристики распредмечиваемых концептов, что, без сомнения, ведет к определенным лингвокультурным трансформациям. Данные эмотивно-семантические рассогласования, асимметричное нюансирование могут проходить по следующим маршрутам: 1) усиление коннотативной интенсивности (34% всех фрагментов); 2) смягчение коннотативной интенсивности (13%); 3) усиление коннотативной образности (44%); 4) ослабление или потеря коннотативной образности (9%).

Приведем примеры усиления коннотативной интенсивности:

- при переводе с немецкого на русский язык:

рус. **беспримерная подлость** / нем. **шалость** (*беспримерная подлость* расторгла союз наших сердец / *Ein Bubenstück ohne Beispiel zerriß den Bund unsrer Herzen*); рус. **мерзкая, такая поганая харя** / нем. **неприятный парень, субъект** (*Ein confiscierter widriger Kerl*);

- при переводе с английского на русский язык:

— рус. **Кто убийца?** / англ. **Кто это действительно сделал?** (*Who hath done this indeed?*); рус. **изувер** / англ. **жестокий** (я — изувер, но все же милосерден / *I that am cruel, am yet merciful*).

Следующие примеры иллюстрируют смягчение коннотативной интенсивности:

- при переводе с немецкого на русский язык:

рус. **воспользоваться** / нем. **захватить врасплох** (*герцог воспользовался* моей молодостью и беззащитностью / *Der Fürst überraschte zwar meine wehrlose Jugend*); рус. **как преступник** со своим соучастником / нем. **как дьявол** со своим соучастником (*Wie ein Verdammter zum Mitverdammten*);

- при переводе с английского на русский язык:

рус. **быть в волнение** / англ. **страсть поедает** (вижу, вы в волнение / *I see you are eaten up with passion*); рус. **отрава** / англ. **кровавые**

смеси (ручаюсь, он ее *поил отравой* / *I therefore vouch again, That with some mixtures, powerful o'er the blood*).

Усиление коннотативной образности реализуется за счет:

а) характерных для русского языка ФЕ:

- при переводе с немецкого языка:

рус. **морочить голову** / нем. **играть намеренно** (*Он морочит голову этой дурочке, будто у него серьезные намерения?* / *Spiegelt er der Närin solide Absichten vor?* (он играет намеренно)); рус. **все шито-крыто** / нем. **все тихо** (*Чтоб все было шито-крыто!* / *Ganz in der Stille!*);

- при переводе с английского языка:

рус. **принять за чистую монету** / англ. **думать (полагать)** (*он принимает все за чистую монету* / англ. *он думает, что мужчины честны, но они только кажутся такими* (*that thinks men honest, that but seem to be so*)); рус. **не видать, как своих ушей** / англ. **спрятать** (*I would keep from thee*); рус. **обойтись дорого** / англ. **смеется том, кто смеется последним** (*дорого тебе обойдется этот смех* / англ. *they laugh, that wins*);

б) стилистических приемов:

- использование метафоры

- при переводе с немецкого языка:

рус. **чудовищный плод хитроумия** / нем. **плоды своих шуток, остrost** (*Насладись чудовищным плодом своего хитроумия!* / *Weide dich an der entsetzlichen Frucht deines Witzes*); рус. **ядовитое насекомое** / нем. **паразит** (*пусть ядовитое насекомое не подползает к моему цветку* / *Aber an meine Blume soll mir das Ungeziefer nicht kriechen (паразит не должен подползать к моему цветку)*);

— при переводе с английского языка: рус. **игрушка подлеца** / англ. **на пасть в руки проклятого раба** (*такой когда-то доблестный Отелло, который стал игрушкой подлеца* / англ. *такой когда-то прекрасный Отелло попал в руки проклятого раба* (*Oh thou Othello, that was once so good, fall'n in the practice of a cursed slave*));

• образные эпитеты:

— при переводе с немецкого языка: рус. **бессердечная женщина** / нем. **слишком плохая** (*Ты бессердечная женщина* / *du bist zu schlecht*);

— при переводе с английского языка: рус. **кровавый, жестокий мавр** / англ. **жестокий мавр** (*cruel Moor*).

Примером ослабления или потери образности при переводе на русский язык является, например, перевод «говорящих» фамилий главных персо-

нажей, представляющих собой красноречивые характеристики этих действующих лиц, таких как *Wurm*, *von Bock* и др. Причина снижения эмоциональной плотности в образной составляющей при переводной трансляции — национально-маркированная лакунарность как отсутствие релевантных фразеологических единиц в принимаемой лингвокультуре.

Анализируемый корпус примеров переводной трансляции на русский язык позволил отметить тенденцию некоторого усиления коннотативной образности объективируемых концептов за счет характерных для русского языка ФЕ, пословиц, стилистических средств. Основные лингвокультурные различия концептов «коварство» и «хитрость» в изучаемых лингвокультурах проявляются на уровне образной составляющей, в частности на уровне метафорического осмыслиения и фразеологической интерпретации, при этом замеченные лингвокультурные расхождения связаны с эмоциональной плотностью транслируемого оттенка данной составляющей. В то же время базовые концептуальные признаки хитрого и коварного поведения, зафиксированные в понятийной и ценностной составляющих этих концептов, не подвержены трансформациям при переводной реконструкции релевантных категориально-эмоциональных ситуаций.

В **заключении** диссертации изложены основные результаты проведенного исследования и намечены его дальнейшие перспективы, связанные с изучением гендерного и социального аспектов поведения речевых партнеров в КЭС коварства и хитрости, а также с проведением более детального изучения концептов в сопоставляемых лингвокультурах, что может являться ценным для реальной коммуникации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

1. Бульбенко, Е.С. Базовые составляющие эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» / Е.С. Бульбенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2011. — № 10 (64). — С. 26—29 (0,2 п.л.).

2. Бульбенко, Е.С. Объективизация эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» в художественной коммуникации (на материале произведения Фридриха Шиллера «Коварство и любовь») / Е.С. Бульбенко // Изв. Юж. фед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2012. — № 3. — С. 75—81 (0,4 п.л.).

3. Бульбенко, Е.С. Типы категориальных эмоциональных ситуаций проявления коварства (на материале классического романа) / Е.С. Бульбенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. — 2013. — № 4 (79) — С. 104—107 (0,2 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Бульбенко, Е.С. Лексические и фразеологические единицы русского и английского языков с семантикой хитрости, коварства/ *cunning, insidious* / Е.С. Бульбенко // Человек в коммуникации: аспекты исследований: сб. науч. ст. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 10—20 (0,6 п.л.).
5. Бульбенко, Е.С. Категоризация концептов «хитрость» и «коварство» в русскоязычном сознании / Е.С. Бульбенко // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград: Колледж, 2009. — Вып. 12.— С. 118—128 (0,6 п.л.).
6. Бульбенко, Е.С. Концепты «коварство» и «хитрость» в русской лингвокультуре / Е.С. Бульбенко // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Межрегион. науч. конф. г. Волгоград, 4 февр. 2009 г. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. — С. 362—365 (0,2 п.л.).
7. Бульбенко, Е.С. Невербальные индикаторы концептов «коварство» и «хитрость» (на материале художественных произведений Агаты Кристи) / Е.С. Бульбенко // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград: Колледж, 2009. — С. 90—98 (0,5 п.л.).
8. Бульбенко, Е.С. Невербальное отображение концептов «коварство» и «хитрость» (на материале произведений Бориса Акунина) / Е.С. Бульбенко // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 20—21 окт. 2009 г. / под ред. Л.А. Миловановой. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 39—44 (0,3 п.л.).
9. Бульбенко, Е.С. Концепт как ключевое межпарадигмальное понятие / Е.С. Бульбенко // Проблемы современной коммуникации и языкового образования: сб. науч. тр. / Волгогр. филиал ГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет»; под общ. ред. Г.Г. Слышикова. — Волгоград: Пара-дигма, 2010. — С. 61—65 (0,3 п.л.).
10. Бульбенко, Е.С. К вопросу об эмоциональных концептах / Е.С. Бульбенко // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 8 февр. 2010 г. / сост. А.В. Простов; ВолГУ; ВГПУ. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 305—310 (0,3 п.л.).
11. Бульбенко, Е.С. Эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость» как объекты лингвокультурологии / Е.С. Бульбенко // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания и коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград, «Колледж», 2010. — С. 66—73 (0,4 п.л.).
12. Бульбенко, Е.С. Эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость» в диахроническом аспекте / Е.С. Бульбенко // Моделирование речевой деятельности в лингвистике и лингводидактике: кол. моногр. — Волгоград: Парадигма, 2010. — С. 79—83 (0,3 п.л.).
13. Бульбенко, Е.С. Эмоциональные категориальные ситуации коварства и хитрости / Е.С. Бульбенко // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 8 февр. 2012 г. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 307—311 (0,3 п.л.).

БУЛЬБЕНКО Елена Сергеевна

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «КОВАРСТВО» И «ХИТРОСТЬ» В ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 14.10.13. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27